

Александр РАТКЕВИЧ

БЕЗВРЕМЬЕ

(Суггестивная поэма)

Кто напророчил безвремяе нам?
Бог или сын его, или доука?
Или – какая большая наука! –
мы умудрились сквозь уличный гам
стёкол набить, и – ведь вот закорюка –
сами на них же и будем плясать.

“Брось, дорогой, неужель не понять,
что на сегодня мы все не пророки,
не короли, не святые, не йоги,
а крепостные...” Не надо пенять
зеркало, если известно: пороки
не в зеркалах коренятся, а в ду...

Шах или мат, как лукавую мзду,
ставит нам время? И чёрные клетки
белым подмигивают, как кокетки,
скверное что-то имея в виду.
Что?! Вот вопрос... или мыслей объедки
после того, как продули игру?

Нет. Пораженье придёт поутру,
ну а сейчас половодье затишья,
август в загуле, поэтому мышья
в доме возня, почитай, не к добру.
Скука. И зеркало врёт. И мальчишья
партия в шахматы мне – как петля.

Вспомнить охота, соблаговоля
выйти на воздух, прошедшие сутки:
мы без зазрения чёрные шутки
так отпускали – дрожала земля;
знали, конечно, что шутки-то жутки,
что раскроют они родину-мать.

Только вот есть впечатленье: плевать
было нам очень и очень на это.
Впрочем, всегда исключение где-то
из темноты продолжает мерцать;
ясно, что нам не остаться без света,
с голода мы не опухнем – всё так.

Есть, между прочим, пословица: рак,
лебедь и щука... а дальше не надо,
мы образованны, люди, не стадо –
двигаться можем осознанно, как,
взять, для примера, хотя бы торнадо
или... постой, это что-то не то.

Годы прошедшие – как решето:
что мы просеяли! – смысл феолетен;
глянули, а результат не приметен.
Вот и подумалось нам: а за что
райская жизнь из тысячи сплетен,
если не знаем, как сутки дожить?

Так неужели, позвольте спросить,
мы и “остынем” кротоми слепыми,
будем до смерти настолько терпимы
и безразличны, что впору завыть.
Это уж слишком. К тому же родимый
в гости нагрязнул к нам переворот,

как бы шутя. От ворот поворот,
мы ему, значит, – опять же наука –
сразу устроили. Но, от испуга,
все закричали: “Не сват, а урод!”
Я же подумал: последствия фука –
если играешь, не надо зевать.

Тут же хочу “афоризм” нанизать:
шутка, порой, неприятна, как пытка.
Но, между прочим, была панихидка
справлена, как бы точнее сказать,
с истинным вкусом, достойно и прытко.
“Ты издеваешься”. ”Я? Никогда”.

В троице дней (или это года?)
катарсис мы пережили глубокий,
вышел из нашего духа убогий
червь поклонения, и навсегда.
И начался вдруг процесс однобокий:
этот предатель, а этот герой.

Для уяснения, что под корой,
стоит содрать её, и не иначе.
Глянь, вот и содран Дзержинский – тем паче
необходимо железной рукой
Ленина за ноги (в плаче не в плаче –
суть не меняется) – к чёрту, долой.

А в Мавзолее с лихвой удалой
мигом устроим сортир всесоюзный:
слева для женщин, точней профсоюзный,
справа за счёт государства – мужской;
ежели случай случится конфузный,
можно, конечно же, – я не умру,

ты не умрёшь – поменять ввечеру
(чтобы не видели) буквы местами.

Только вот Ленин, вздрогнув усами,
может ожить, и тогда, как чадру,
с нас он сдерёт восковыми руками
маску, надетую наоборот.

Тошно мне. Время, как водоворот,
мысли засасывает без оглядки.
Было, играть нам не надобно в прятки,
в Ленина всё-таки верил народ.
Ну а сейчас в этой бешеной схватке
разве мы стали намного умней?

Будто ура! – наступил апогей.
Так ведь не с Ленина всё начиналось.
Вспомним народников – как оказалось,
все они люмпен. Потом, как мышей,
нам раздавить декабристов осталось.
Пусть и Радищев в могиле замрёт.

А Кампанелла, а Мор... Наперёд
знаю, что Маркса и помнить порочно.
Все они, друг мой, в глаза и заочно
гады, предатели, сволочи – вот.
Кто же я – сын извращения побочный
или же ангел святой во плоти?

Что это, утро уже? Погляди,
канули сутки и канули страхи:
мудрости миг головою на плахе,
вот и попробуй-ка мир соблюди,
замерший в кратком взволнованном взмахе.
Воины мы. Нам безвременье впрок.

Делим по партиям сквозь юморок,
делим по нациям, как по квартирам,
делим границы, чтоб дезертирам
было раздолье, и делим оброк.
Линию нам поделить бы пунктиром,
да бесконечна она – не объять.

Разум не делится – и не понять,
что ж о его разделенье не млеем,
что ж доброту поделить не умеем,
или банально всё это опять?
Или воинственно-алым елеем
легче заляпать грядущий рассвет?

Вновь, как сурок, затаился ответ.
“Ставить вопросы умеешь ты, видно, –
словно в атаку: азартно, солидно.
Но не забудь, что ведь можно – в кювет
или же насморк подхватишь – обидно”.

”Или, послушай, ответы в душе?..”

Нам и Чернобыль банален уже.
Он не касается всех поголовно,
значит, к чему волноваться-то, словно
вымрет страна, как любовь на меже;
значит: потерпится, слюбится, ровно
ляжет на дно и пребудет вовек.

Пляска на стёклах? Не лучше ли бег
как бы на месте, за пару жемчужин;
если порежемся, то, без отдушин,
на руки встанем, и дальше – как шнек.
Ясно, что мы перепутаем ужин
с завтраком, полдник с обедом, а кровь

с клюквенным соком, с вишнёвым... и вновь –
в кучу неверие в социализмы,
в капитализмы и в коммунизмы,
и демократию, словно свекровь,
тоже засунем в проклятые измы,
как в мясорубку, – давай-ка, крути.

С этим мы справимся. Но, погоди,
а интеграция – это не шутка.
Мы им нужны ли – вот прибаутка,
суть её скрыта ещё впереди...
Партию в шахматы? С радостью. Ну-тка,
кто же сильнее: они или мы?

Нет ничего, что сильнее зимы.
Тысячу раз нам она подвозила
тройку-победу, и с помпой садила
в сани, а мы, как большие умы,
ну погонять эту тройку до мыла.
Запад дрожал, как от холода. Да-а,

вправду промолвить: куда нам, куда,
если возжаждали разъединиться,
после по-новому соединиться,
ну, а потом уже... всё ерунда;
воины мы, нам бы биться и биться,
чем грандиознее, тем веселей.

“Слушай, а правда ли – оранжерей
там, за границей, сплошные системы:
каждое семя, как тень хризантемы,
где-то сильнее, а где-то слабей
произрастает без всякой проблемы?..”
Мы обожаем утопию, бред.

Лучше пусть нами система планет

руководит, а уж мы поглазеем...
Ладно, хожу; ведь ходить-то умеем
из одного да в другой кабинет.
Что-то не клеится партия. Смеем
или не смеем – в отставку её?

Слушай, по-моему, сквозь дымовьё
августом пахнет, как перегаром.
В первый же день намекал я не даром:
хунта ещё нам покажет своё
то ли лицо, то ли... впрочем, навалом
скрыто в ней замыслов тайных на брак.

С кем или с чем, непонятно никак?
Мелочь. Другие мне мыслятся боли:
я пацаном ещё, будучи в школе,
взглядом голодным вселенский чердак
будто просверливал и, поневоле
спрашивал, вовсе забыв про ночлег:

как на земле одинок человек!
так неужели в космической глуби,
словно тепла в прохудившейся шубе,
братьев по разуму (лучше коллег)
нет у него, будто мозги в отрубке?..
С кем же делить ему память годов:

огненность мыслей и золото слов,
чисел богатство и прелесть открытий,
свежесть и блеск величайших наитий,
чудо любви и беду катастроф?..
“Землю, наверное, в мысленной сыти
ты покидаешь? Неужто, дружок,

твой наступил нежелательный срок:
выдохся ты, исписался; и время
давит тебя, как моральное бремя,
давит, пока не появится сок
или пока не расколется темя.
В звёздных просторах спасенье твоё?”

Хватит, давно уже утро хламьё
с улиц счищает метлой и лопатой.
В зеркало глянь – ты хмельной и горбатый.
И не безвременье, а вороньё
кружит над домом и жаждет расплаты.
Мы или вороны настороже?

Мы на смертельно крутом вираже:
где, отвечай, находился ты в пятом,
где ты в семнадцатом был и в тридцатом,
в тридцать седьмом ты, небось, в шалаше

девочку нежным обласкивал взглядом...
Дайте же меру мне, хоть бы займы,

чтоб отклониться от этой чумы.
Где ты, непуганое поколение, —
думать и веровать сквозь обновление
и без морально убийственной тьмы?
Точка. Добавлю ещё в заключение,
как же (в квартире) выводится тля:

нужно, лукаво не мудрствуя, для
этого взять чеснока хоть кусочек,
в ступке его истолочь, кипяточек
вливать и настаивать, а опосля
этим опрыскивать стебли и почек
нежную спель заодно, на ходу

не позабыв, что ещё наряду
с этим рецептом найдутся другие.
Но, признаюсь я, во мне небольшие
знания травли, как на беду.
Или на счастье? Дилеммы такие
я не решу впопыхах ни за что.

Да и бессмысленно это. Зато,
свой теребя подбородок небритый,
вдруг говорю как камнями побитый:
целую ночь я сегодня — пошто? —
спал, как убитый, не спал, как увитый
спрутом безвременья. Срам.

1991г.